

Вспоминает жительница деревни Михайловск Осипова Нина Егоровна

- Мне было почти 6 лет, когда фашистское отродье пришло на наши земли. Отца почти сразу забрали на фронт. Будучи ребенком, я на всю жизнь запомнила его слова, когда он, обняв мать, приказал: «Марья, береги детей...» А в скорости мы получили известие, что отец пропал без вести. Это было в июле 1941 года. Мать все годы надеялась, что отец остался жив, возможно был ранен или попал в плен. Уже после того, как началось освобождение Беларуси, в сентябре 1944 года мать искала отца. Но результатов не было. Отец навсегда остался на войне...

Это было самое тяжелое и страшное время. Однажды в хату ворвался немец и с криками: «Шнелль! Шнелль!» приказал матери собираться. Она плакала, умоляла не трогать ее, ведь мы были совсем маленькие и совсем одни. Но фриц был не приклонен. Мама понимала, что мы расстаемся навсегда. Так я и моя младшая сестра остались одни. Я помню, как мы целый день, голодные, сидели у окна, надеясь на возвращение мамы. Немцы отправили маму в деревню Вендорож, откуда на поезде хотели увезти в Германию на каторжные работы. Но материнское сердце не могло с этим смириться. Улучив момент, когда фрицы потеряли бдительность, мама выпрыгнула из поезда... Двадцать километров через лес, в темноте мама бежала без оглядки домой к нам. Она вернулась поздно вечером и после этого мы уже никогда не расставались. Но мы еще не знали, сколько нам всего предстоит пережить.

Фашистские гады издевались над людьми. Они отбирали еду, одежду, скот. Кто сопротивлялся, того расстреливали. Помню, как один из них зашел к нам домой и, с автоматом в руках, закричал маме: «Млеко! Яйки! Сюда!» Мать отдала все. А потом они зарезали корову, нашу единственную кормилицу. Один из немцев сжалился над мамой и разрешил забрать коровьи потроха, чтобы прокормить нас. Он сказал маме, что у него тоже двое детей и даже показал их фотографию. Это был единственный случай «хорошего» отношения к нам.

К сожалению, некоторые жители стали переходить на сторону врага. Я впервые услышала страшное слово «полицай». Мама рассказывала, что в нашей округе было четыре полицая. Один из них жил и в нашей деревне. Как – то вечером раздался стук в дверь. Вошедший мужчина спросил у мамы, есть ли в нашей деревне полицай. Мама подвела его к окну и указала на окна напротив нашей хаты. Позже я поняла, что это скорее всего был партизан. Мама рассказывала, что в наших лесах было создано большое партизанское движение, ведь каждый хотел прогнать врага с родной земли. Одним из таких партизан был и двоюродный брат моего отца – Ксендзов Петр Петрович, который, к счастью, прошел всю войну до конца. Спустя некоторое время дом полицая попытались уничтожить. И к нам вновь нагрянули немцы. Откуда-то они узнали, что это мама указала на дом полицая. В тот день ее очень сильно избили. По словам очевидцев, маму избивали одиннадцать немцев. До конца своих дней последствия немецкого сапога не давали покоя и сильной болью отзывались в спине.

Особенно тяжелым был 1943 год. Словно предчувствуя скорый конец, немец будто озверел. Они разрушали всё на своем пути. В нашей деревне от постоянных бомбёжек и поджиганий уцелели только две хаты. Наша была одна из них. Она навсегда сохранила в своих стенах следы от вражеских пуль. Немцы скидывали с самолетов на дома так называемые горючие смеси. Мы, дети, называли их «зажигалки». Самолёт старался опуститься как можно ниже, чтобы точнее попасть «зажигалкой» в цель. Вокруг нашего дома росли высокие березы, которые мешали фашисту поджечь дом и как бы он не старался, у него это не получилось. Кто бы мог подумать, что именно эти березки, которые словно укрывали своими ветками нашу крышу, помогли нам пережить этот ужас. Соседнюю деревню Николаевку немцы сожгли полностью, в Больших Белевичах уничтожили 128 домов. Самые зверства немецкие гады творили в деревнях Малые Белевичи и Новобелица. Там расстреливали и сжигали стариков и детей, не щадя никого.

Когда в очередной раз над деревней появились вражеские самолеты, мы через огород побежали прятаться в болото. Это было единственным местом, где можно было укрыться от врага. Фрицы боялись болот, боялись погрязнуть и навсегда остаться на наших землях. Как только нас заметили, немцы открыли огонь. Мама приказала бежать изо всех сил. Земля уходила из – под ног, только пули пролетая, свистели над нами, а в голове было только одно: «Хоть бы

добежать...». Мама не успела, её ранило в ногу. Ранение было очень серьезным, и всю жизнь напоминало о себе.

Летом нашим любимым лакомством были ягоды. Мы их сушили, а потом варили компот. Повезло, если на поле находили гнилую картошку. Кожуру от картошки не выбрасывали. Мама высушивала её, перетирала камнем в муку, добавляла воду и пекла нам лепешки. В лес ходить боялись, так как немцы могли за это расстрелять. Естественно, от голода мы болели, были вши, которые невозможно ничем было вывести. Особенно тяжело было зимой. Я брала у мамы саночки и с соседними детьми ходила собирать хворост, чтобы как-то согреться в зимние морозы. Помню, наломаешь веток, свяжешь охапок и тянешь по снегу домой.

В послевоенные годы было не легче. Мужского плеча не было, и маме приходилось работать и за себя, и за отца. Тогда сиротских детей не жаловали, а тем более не помогали. Каждый старался для себя. Мы помогали маме, как могли: рвали на лугу щавель, ходили в лес, хозяйничали по дому, пока мама ходила на работу. Всю жизнь я помнила пережитый ужас войны, хранила в памяти события тех дней. Это невозможно забыть. Мама выполнила наказ отца, сберегла нас с сестрой... Мы остались живы...